

18+

Марс Твикс

Материнство на уровне "Брысь".

Инструкция незнакомца

<https://litres.ru/74229538>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Брысь» — единственное слово, которым маленькая Надя отгораживается от мира. Её мама Женя учится слышать этот язык, когда вокруг все учат её жить. Свекровь ставит диагнозы, муж требует логики, а Женя просто хочет выспаться и чтобы дочка перестала плакать по ночам. Но однажды в снегопад появляется тот, кто не снимает шлема. Он не учит жить — он просто помогает. Молча. Через тишину, заботу и доверие, которое оказывается сильнее любых слов.

Это роман о материнстве, одиночестве и любви, которая не требует масок. О том, как из осколков можно собрать дом. И о том, что иногда самое важное происходит без единого слова.

Готова масштабная трилогия про материнство 18+ объемом 1 000 000 знаков с пробелами. Коммерческие права свободны, на Литрес Самиздат выложен только бесплатный ознакомительный фрагмент первого тома под неэксклюзивной лицензией.

Марс Твикс
Материнство на
уровне "Брысь".
Инструкция незнакомца

Глава 1

Ожидание автобуса превратилось в пытку. Надя, уставшая и измученная дорогой, начала капризничать. Ветер усиливался, колючий снег намертво заметал трассу. Автобус мало того, что опаздывал, так в конце концов и вовсе пролетел мимо — переполненный, темный, даже не сбавив ход. Следующий — только через двадцать минут. В такую метель это казалось вечностью.

Женя прижала к себе дочь, стараясь укрыть ее от ветра краями куртки. Отчаяние пришло снова. Она узнала его по тяжести в груди — той, что не давала дышать полной грудью. Она снова здесь. В ловушке обстоятельств, погоды и чужого расписания. В кармане беззвучно давил тот самый титановый мультитул. Женя машинально потрогала его сквозь ткань. Пальцы вспомнили: «За шлемом».

И тогда она его слышала. Низкое, бархатистое урчание, заглушаемое ветром, но такое знакомое. Оно не проносилось мимо. Оно замедлялось.

Она обернулась.

Черный мотоцикл, как призрак из ее тревожных снов и странных воспоминаний, плавно притормозил у обочины в десяти метрах от нее. Он — в том же матово-черном, все скрывающем шлеме. Он сидел неподвижно, повернув к ней голову. Визор отражал серое небо и ее собственную, замерз-

шую, жалкую фигуру.

И она поняла, что устала. Устала бояться, устала откладывать, устала от гнетущей тайны, которая преследовала ее на стикерах и в граффити. Она сделала шаг. Потом еще один. Не он подъехал к ней — это она пошла к нему.

Остановившись в шаге от мотоцикла, Женя посмотрела прямо в темное стекло, за которым скрывалось лицо.

— Вы... Вы меня преследуете? — спросила она. Голос звучал глухо, но без прежней паники.

Он не ответил сразу, словно изучая ее. Потом его голос, приглушенный шлемом и ветром, донесся до нее:

— Ты сама идешь под мои колеса, Евгения. С тортом.

Он заметил пакет. В его тоне не было насмешки — только констатация.

— Автобуса нет, — просто сказала она. — Домой далеко. Ребенок замерзнет.

Он молча кивнул, коротким движением головы указав на место за своим седлом. Предложение. Приказ. Спасение.

Надя, увидев мотоцикл, на мгновение перестала хныкать, увлеченная незнакомым объектом.

— Би-би! — выдавила она.

Женя посмотрела на дочь, на метель, на черный силуэт, который оставался единственной точкой определенности в размытом белыми вихрями мире. Она снова сделала выбор. Тот же, что и в прошлый раз, но теперь — осознанно.

— Для нее нет шлема, — заметила она практично.

— Держи крепче. И прикрой собой. Быстрее, чем ждать здесь.

Он был прав. Безнадёжно прав.

Она надела свой старый шлем, который он, не сходя с места, достал из кофра. Устроившись на пассажирском сиденье, Женя посадила Надю перед собой — фактически на бак, между собой и водителем. Прижала дочку к себе левой рукой, правой намертво вцепилась в пакет с тортом.

Он ждал. В боковом зеркале отражался её силуэт — сжатый, напряженный, но готовый. Она поймала его взгляд в зеркале и кивнула.

Он рванул с места — и они нырнули в белую пелену.

На этот раз страха не было. Было странное, почти мистическое спокойствие. Ветер выл, снег бил в лицо, но его широкая спина впереди оставалась единственным надежным ориентиром. Надя сначала взвизгнула от неожиданности, а затем затихла, прижавшись к матери, замороженная скоростью и ревом. Женя на секунду закрыла глаза, чувствуя, как ледяное напряжение последних суток начинает оттаивать где-то глубоко внутри, смываемое безумным потоком воздуха.

Он вез их не домой. Мотоцикл свернул с основной трассы и через несколько минут остановился у незнакомого Жене двухэтажного коттеджа на окраине города, почти у самого леса. Дом был современным, строгих линий, с огромными окнами, тонированными в серый цвет.

Глава 1, в которой Надя хочет родиться

Три года назад...

Женю держали в роддоме с тридцать восьмой недели. Бессмысленно, как ей казалось. Врачи говорили: «Наблюдение, контроль, мало ли что». Но ничего не происходило. Она лежала на жесткой кровати, смотрела в белый потолок и чувствовала, как каждая минута отнимает у неё что-то важное. Покой. Тихую радость ожидания. Себя.

На второй день она сказала Артёму:

— Я ухожу.

— Как уходишь? — он посмотрел на неё, не понимая.

— Ногами. Соберу вещи и уйду. Здесь меня ничего не держит. Ребенок не торопится, я здорова, анализы в порядке. Я хочу домой.

Она подписала бумаги, собрала пакет, и они уехали. Не домой сразу — на рынок. Потому что Женя захотела дынь. Спелых, сладких, пахнущих медом и солнцем. Они купили две большие, сели в машину и поехали к себе.

Дома она нарезала дыню дольками, и они ели прямо руками, стоя у окна, глядя на закат. Сок тек по пальцам, было сладко, прохладно, и Женя чувствовала, как внутри шевелится счастье. Маленькое, ещё не родившееся, но уже жи-

вущее своей жизнью.

Потом она достала из шкафа все детские вещи — распашонки, ползунки, чепчики, — разложила на гладильной доске и принялась гладить. Утюг шипел, пар поднимался к потолку, и вещи становились мягкими, теплыми, готовыми обнять того, кто скоро придет. Она гладила и улыбалась, представляя, как её дочка будет в них спать, как она прижмёт её к себе, как будет вдыхать этот ни с чем не сравнимый запах долгожданного человека.

Закончив, она снова перебрала сумку в роддом. Всё ли положила? Пеленки, распашонки, прокладки, бутылочку воды, телефон, зарядное устройство. Переложила, пересчитала, снова сложила. Всё было на месте.

— Ложись спать, — сказал Артём. — Завтра новый день.

Она легла. Уснула мгновенно, провалилась в глубокую, спокойную тьму, без снов, без мыслей.

Около трех ночи она проснулась.

Что-то изменилось. Тело стало другим — тяжелым, наполненным, словно внутри кто-то очень серьезно готовился к выходу. Женя прислушалась к себе.

Живот напрягся, стал твердым, а затем отпустил. Схватка. Первая. Не болезненная, не страшная — просто напоминание: всё начинается.

— Артём, — позвала она тихо, потом громче. — Артём, вставай. Надя хочет родиться.

Он резко сел на кровать, спросонья не понимая, где он и

что происходит.

— Что?

— Рожаю, — сказала Женя и улыбнулась. — Поехали.

Они не спешили. Не было паники, не было криков, не было «скорее, скорее». Было спокойствие, какое бывает перед большим, важным событием, когда ты знаешь: всё идёт как надо. Артём завёл машину, Женя устроилась на переднем сиденье, пристегнулась и смотрела в тёмное окно, на фонари, которые проплывали мимо, считала схватки. Они были нечастые, мягкие, как волны, которые накатывают на берег и отступают.

В роддоме их встретила дежурная акушерка. Женя заполнила бумаги, переоделась, легла на кровать. Артём был рядом. Он не отходил от неё ни на шаг — держал за руку, приносил воду, помогал дышать, когда схватки стали сильнее.

Это длилось одиннадцать часов.

Одиннадцать часов боли, которая накатывала волнами, сжимала, отпускала, снова накатывала. Женя кричала. Она не стеснялась, не сдерживалась — она кричала, потому что так было легче. Артём стоял рядом, держал её за руку, вытирал пот со лба, говорил что-то, чего она не слышала. Его голос был просто звуком, который держал её здесь, не давал провалиться в эту боль.

Иногда, когда схватка отпускала, она засыпала. На минуту, на полторы — проваливалась в темноту, где не было ни боли, ни страха, только тишина. И снова просыпалась от но-

вого спазма, нового толчка, нового требования тела.

— Ты справишься, — говорил Артём. — Ты сильная.

Она не чувствовала себя сильной. Она чувствовала себя разорванной на части, выжатой, опустошенной. Но внутри, где-то глубоко, жило упрямое, твёрдое знание: она должна это сделать. Не для себя. Для неё. Для той, кто ещё не родилась, но уже была всем её миром.

И когда врач сказал: «Тужься», она собрала остатки сил, сжала зубы и сделала последнее, самое главное усилие.

Этот первый крик стал самым счастливым звуком на свете.

Тонким, требовательным, громким. Криком, который она ждала девять месяцев. Криком, который означал: «Я здесь, я жива, я дышу».

Женя заплакала. Слёзы текли по щекам, смешивались с потом, она не вытирала их, не могла — руки дрожали. Ей положили на грудь маленького, мокрого, сморщенного малыша, который дергался, открывал рот, шурился. Надя. Её Надя.

— Здравствуй, — прошептала Женя, прижимая её к себе. — Здравствуй, моя маленькая.

Артём плакал. Она видела его лицо, мокрое от слёз, и впервые за долгое время он не казался ей чужим. Он был здесь. Он был с ней. Он держал её за руку, когда она кричала, и плакал, когда их дочка впервые вздохнула.

Врачи что-то делали, говорили, суетились. Женя не слы-

шала. Она смотрела на дочку, на её крошечные пальчики, на приоткрытый рот, на темные волосы, прилипшие к голове. Всё остальное не имело значения.

Потом её перевезли в палату. Одноместную, платную, с отдельной ванной и кроватью для мужа. Женя лежала на кровати, рядом в прозрачной каталке спала Надя, укутанная в больничную пелёнку. Артём сидел на стуле, смотрел на них, иногда вытирал глаза.

— Ты как? — спросил он.

— Счастлива, — ответила Женя. И это было правдой.

Она не успела расчесаться. Волосы лезли в лицо, прилипали к мокрой шее, к вискам. Было жарко. Воздух в палате был сухим, горячим. Она вся была мокрая — после родов, после душа, который приняла кое-как, дрожащими руками. Но ей было всё равно.

Надя спала. Она лежала на боку, поджав ножки, сжав кулачки, и дышала часто-часто, с тонким присвистом. Женя смотрела на неё и не могла насмотреться. Маленькая. Её маленькая. Та, ради которой она терпела боль, бессонные ночи, страхи, сомнения. Та, ради которой теперь она готова на всё.

Через час Надя проснулась, открыла рот, повертела головой, и акушерка сказала: «Кормить пора». Женя взяла дочку на руки, прижала к груди, и та — сама, без подсказок, без помощи — нашла, что нужно, и начала сосать. Сначала неуверенно, потом всё быстрее, ритмичнее, глотая с шумом, торопясь, будто боялась, что молоко кончится.

Женя смотрела на неё и чувствовала, как по телу разливается тепло. Живое, глубокое, которое шло откуда-то изнутри, из самой сердцевины. Она кормила. Она давала жизнь не только в родах, но и сейчас, каждым глотком, каждым вздохом.

Они лежали в кровати вместе — Женя на спине, Надя у неё на груди, прижавшись щекой к маминому сердцу. Артём сфотографировал их, потом положил телефон, подошёл, поцеловал Женю в лоб.

— Ты молодец, — сказал он. — Ты самая сильная.

— Мы молодцы, — ответила она. — Мы справились.

В палате было тихо. За окном темнело, начинали зажигаться фонари. Кто-то ходил по коридору, разговаривали медсёстры, за стеной плакал чужой ребёнок. Но здесь, в этой маленькой комнате, был свой мир — тёплый, уютный, пахнувший молоком и счастьем.

Женя не помнила, когда в последний раз чувствовала себя такой уставшей и такой наполненной одновременно. Она не расчесалась, не умылась, не поела — ей принесли ужин, но она оставила его на столике, потому что не могла оторвать взгляд от дочки. Всё, что было важно, сейчас лежало у неё на руках. Маленькое, беспомощное, но уже такое сильное. Её дочка. Её чудо.

Она уснула под утро, когда Надя, наевшись, затихла и тоже уснула, приоткрыв рот, сжимая крошечной ручкой край маминой сорочки. Женя спала, и ей снилось что-то светлое,

теплое, пахнущее дыней и молоком. Сон, которого она ждала девять месяцев. Сон, в котором она наконец стала мамой.